

Автор: Джон Стейнбек

Название: «Русский дневник»

Глава 9

Москву охватило лихорадочное оживление. На зданиях развешивали гигантские — размером в несколько гектаров — плакаты и портреты народных героев. Вдоль мостов растянули гирлянды из лампочек. Кремлёвские башни и стены вместе с зубцами тоже украсили электрическими фонариками. Все общественные здания осветили прожекторами. В городе установили танцплощадки, кое-где поставили небольшие палатки, похожие на избышки из русских сказок, — в них продавали сладости, мороженое, сувениры. К празднику выпустили нагрудные значки, которые все теперь носили.

Из разных стран ежечасно прибывали делегации. Автобусы и поезда ехали переполненные. Люди спешили в город и везли с собой одежду и провизию на несколько дней вперёд. Русским так часто приходилось голодать, что теперь всегда, куда бы ни направлялись, они брали с собой по несколько буханок хлеба. Все здания украсили флагами, знамёнами и бумажными цветами. У министерств имелись свои вывески. Метрополитен выставил огромную карту с подземными станциями Москвы, а под ней — маленький поезд ездил туда-обратно. Это зрелище привлекало людей, и они толпились вокруг до поздней ночи. К восьмисотлетию юбилею фургоны и грузовики везли городу подарки от колхозов: капусту, дыни, помидоры, огурцы... У многих прохожих виднелась на груди медаль или лента — напоминание о недавней войне. В городе бурлила жизнь.

Я зашёл в офис редакции «Геральд Трибьюн» и увидел записку от Джо Ньюмана. Он задерживался в Стокгольме и просил меня написать для газеты статью о празднике, потому что сам не успевал.

Капа тем временем увлечённо разбирал свои плёнки. Ему не нравились ни его собственная работа, ни качество проявки — ничего. У него была уже целая гора негативов, он часами просматривал их у окна и ругался. Всё было не так!

Мы позвонили Караганову в офис «Вокс» и попросили его узнать, как нам можно вывезти фотоплёнки из России. Мы думали, что, наверняка, есть какая-нибудь цензура, и хотели подготовиться. Он пообещал нам всё выяснить.

В ночь перед праздником нас пригласили в Большой театр, но не сказали, на какую постановку. По счастливой случайности мы не смогли туда попасть, а позже узнали, что

выступление длилось шесть часов и уйти было нельзя — в ложе находились члены правительства. Воистину, нет худа без добра!

Многие рестораны и ночные заведения были забронированы для делегатов из союзных республик и других стран и оказались заняты. Попасть туда не представлялось возможным. В тот вечер вообще было очень трудно найти, где поужинать. Город был просто переполнен людьми. Они бродили по улицам, останавливались на одной площади, чтобы послушать музыку, потом шли на другую. Смотрели и шли, шли и смотрели. Деревенские жители глядели на всё широко раскрытыми глазами, многие из них никогда раньше не бывали в городе, и уж точно никто прежде не видел Москву такой празднично освещённой. Некоторые танцевали на площадях, но в основном люди просто глазели по сторонам и гуляли. В музеях яблоку негде было упасть, в театрах — не протолкнуться. На каждом доме висело хотя бы по одному огромному портрету Сталина и — поменьше — Молотова. Изображения глав союзных республик и героев СССР были уже не такими большими.

Поздно вечером мы попали домой к одному американцу, который давно жил в России и сейчас работал корреспондентом в Москве. Он бегло говорил и читал по-русски и рассказал нам множество историй о том, как сложно содержать дом в нынешней России. Как и при гостиничном обслуживании, большинство трудностей возникало из-за неповоротливой бюрократической системы. Слишком много записей и бухгалтерского учёта — всё это мешало добиться ремонта.

Мы поужинали. Наш знакомый взял с полки книгу:

— Вот послушайте.

И начал медленно читать, переводя нам с русского примерно следующее: «К чужестранцам в Москве относятся с большой опаской. За ними неотступно следит тайная полиция. О каждом их движении сообщают в центральный штаб. Ко всем иностранцам приставлены люди из охраны. Русские не принимают иностранцев у себя дома и, похоже, боятся даже заговорить с ними. Письмо, отправленное члену правительства, обычно остаётся без ответа, на последующее обращение тоже не реагируют. Если человек проявляет настойчивость, ему отвечают, что этот чиновник уехал из города или заболел. Чужеземцам нужно преодолеть много препон, чтобы добиться разрешения путешествовать по России, и во время таких поездок за ними пристально следят. Из-за этой всеобщей холодности и подозрительности иностранцы в Москве вынуждены общаться сугубо друг с другом».

Было ещё много всего в том же духе, а потом наш приятель поднял взгляд и спросил:

— Что вы об этом думаете?

Мы ответили:

— Думаем, цензура такое не пропустит.

Он рассмеялся:

— Это написано в 1634 году. Книга называется «Путешествие в Московию, Тартарию и Персию». Автор — Адам Олеарий.

И добавил:

— Хотите послушать отчёт о Московской конференции?

Из другой книги он прочитал что-то вроде этого: «С русскими очень трудно поддерживать дипломатические отношения. Если кто-нибудь выдвигает идею, ему тут же начинают возражать. Их дипломаты не обучены работать с иностранцами, в большинстве своём они никогда не бывали за пределами России. Более того, русский, который жил во Франции, считается у них французом, того, кто пожил в Германии, они называют немцем, и таким людям уже не доверяют на родине.

В дипломатическом плане русские никогда не действуют прямо, никогда не доходят до сути дела, а спорят и спорят по кругу. Они подбирают слова, обмениваются ими, пререкаются, и в результате все оказываются в замешательстве».

Он помолчал, потом продолжил:

— А это в 1661 году написал французский дипломат Августин барон фон Мейерберг. Такие мысли позволяют сохранять спокойствие в нынешней обстановке. Я думаю, что в некотором отношении Россия несильно изменилась. Иностранные послы и дипломаты сходят здесь с ума вот уже шестьсот лет.